

С. Т.
АКСАКОВ

Сочинения

Сергей Тимофеевич Аксаков

**«Федор Григорьевич Волков,
или День рождения русского
театра», «Механические
фигуры»**

«Нельзя без истинного, сердечного наслаждения видеть этот прекрасный, русский, народный водевиль. Мысль высокая и глубокая – представить борьбу невежества и просвещения: луч света пронизает мрак. Люди, которых имена всегда будут любезны и драгоценны истинно русским, оживляются пред вами волшебным могуществом драматического искусства. Вот он, представитель способностей русского человека, со всею силою ума, со всею живостию духа, со всею твердостью воли – Федор Григорьевич Волков!..»

**Сергей Тимофеевич Аксаков
«Федор Григорьевич Волков,
или День рождения русского
театра», «Механические
фигуры»**

**«Федор Григорьевич Волков, или
День рождения русского театра»
Анекдотический водевиль, соч. кня-
зя А. А. Шаховского и
«Механические фигуры»
Разнохарактерный пантомимный ба-
лет, соч. г. Бернаделли**

Пятница, 25 января.

Нельзя без истинного, сердечного наслаждения видеть этот прекрасный, русский, народный водевиль. Мысль высокая и глубокая – представить борьбу невежества и просвещения: луч света пронизывает мрак. Люди, которых имена всегда будут любезны и драгоценны истинно русским, оживляются перед вами волшебным могуществом драматического искусства. Вот он, представитель способностей русского человека, со всею силою ума, со всею живостию духа, со всею твердостью воли – Федор Григорьевич Волков! Вот его достойные сотрудники, первые любители изящного, первые ревнители учения – братья Волковы, Дмитревский и другие! Вот этот кожаный сарай, где зародилось зерно теат-

рального искусства в России, столь сильно способствующего просвещению... И, наконец, вот он прототип невежества, сильный единомыслием толпы, закоренелостью предрассудков, заклятый враг всякого просвещения – Фаддей Михеич! Сцена, когда последний нечаянно приходит в театр, устроенный в сарае, и, не имея возможности уйти, садится спиною к театру, чтоб ничего не видеть, и затыкает уши, чтоб ничего не слышать, принадлежит к небольшому числу бессмертных сцен Аристофана и Мольера. По нашему мнению, это есть одно из совершеннейших произведений князя Шаховского. Содержание казалось бы слишком глубоким и тяжелым для водевиля, и, конечно, оно подавило бы неопытного комика; но сочинитель с удивительным искусством овладел им и воспользовался. Каким жаром любви к драматическому искусству, еще сильнейшей любви ко всему отечественному, проникнут, согрет этот превосходный водевиль! Кто слушал его равнодушно, для того театр – только средство убивать время. Не заслуживает ли писатель общественной благодарности, доставляя сердцу и уму

столь высокое наслаждение, воспламеняя в душе зрителей чувства народной гордости и стремления к просвещению? И о сочинителе-то «Волкова», «Пустодомов», «Аристофана» какой-нибудь *Михеич* нашего века с безнаказанною наглостию смеет сказать, что он «не имеет самобытного таланта, что он имеет относительное достоинство, как *кривой в земле слепых*, что он выбирает без вкуса, переводит дурно, пишет плохо!..»[1]

Но не уйти со временем *Михеичу* от водевиля! Он сам (то есть *Михеич* нашего века), его мнимая ученость, его литературное самозванство, его минутные успехи, – истинно комическое явление нашего времени, – будут долго забавлять публику: мы охотно смеемся прежним своим ошибкам и заблуждениям, когда успели уже от них освободиться.

Возвращаемся к «Волкову». Единственными недостатками его показались нам (не смеем судить решительно – мы не читали пьесы): излишество пения и некоторые вставки, замедляющие ход действия, хотя имеющие отдельное достоинство. Утощение по старини нищей братии хотя приятно напоминает че-

любовное обыкновение почтенных наших предков, но слова в нем очень мало слышны, и притом, удерживая на сцене всех актеров, которым потом надобно переодеться, оно делает антракт очень длинным и охлаждает участие зрителей.

Вообще этот водевиль играется на московской сцене с большим успехом; но, из любви к искусству, мы откровенно скажем, что можно его играть лучше. Не надобно довольствоваться гг. артистам тем, что таланты и выгодная для ролей наружность заставляют хвалить их. Достоинство водевиля и особенное отношение его к ним самим требуют отличного исполнения. Мы уверены, что они смотрят неравнодушно на этот кожевенный сарай, колыбель их искусства и благосостояния. Некоторые аксессуарные лица были плохи; [2] некоторые сцены нетверды и не слажены. Г-н Мочалов в роле Ф. Волкова, кроме неприятных телодвижений и (раза два) неуместных вскрикиваний, был превосходен. Говоря же о ботике Петра и отвечая на вопрос отчима: о чем он задумался? г. Мочалов достиг неподражаемого совершенства. Роль Полушкина уди-

вительно шла к г. Лаврову, и он везде одушевлял ее; но искусство владеть сильным голосом и искусство произношения еще не постигнуты им. У него не только в пении, но и в разговоре иногда не слышно слов, особливо когда заговорит он с жаром: несмотря на это, он играл прекрасно. Г-жа Кавалерова очень хороша была в роли матери Волковых, особливо когда позарумянилась от романеи. Но выражение материнской чувствительности нам не понравилось. Михеича довольно хорошо играл г. Живокини: мы с удовольствием заметили, что он понемногу отвыкает от фарсов[3] и кривляний и что у него появляется истинный жар в игре. Поздравляем его; это плод труда и любви к искусству – теперь успехи его будут вернее. Г-жа Лаврова была недурна в роли Вани Дмитревского; не знаем только, верно ли она пела? Несколько выражений были сказаны ею бесподобно. Г-н Третьяков играл ярославского голову очень хорошо. Г-жа Репина, в роли Груши, питомицы Михеича, доставила полное удовольствие зрителям; она прелестно сыграла Грушу, а рассказ в пении был выполнен мастерски. Хотя роль ее

без всякого сравнения ниже роли г. Мочалова, но вот следствие таланта и искусства! Публика вызвала их вместе и почтила равными рукоплесканиями. Надобно сказать правду, г-жа Кавалерова также заслуживала быть вызванной. Заметим, что г-жа Репина была одета слишком несовременно, также и г-жа Лаврова. Другие анахронизмы в костюмах по крайней мере не так бросались в глаза, но Груша должна была быть одетою непременно в кофточку; нам кажется, что и наружность ее нимало не потеряла бы от этой перемены. Публика принимала пиесу с беспрестанным рукоплесканием, внимательно замечая все красоты ее.

Смешной фарс-балет «Механические фигуры» был очень хорошо выполнен во всех подробностях. Девица Карпакова танцевала прелестно.

Января 27.

Примечания

См. «Московский телеграф», 1828, № 22.

[^^^]

2

Говорят, что причиной этому была передача ролей другим актерам за болезнью прежних.

[^^^]

3

О другом Михеиче сказать этого еще нельзя; что будет далее – увидим и наберем. (*Замеч. наборщика.*)

[^^^]